

**БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
“ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ ”**

Москва, г/к “Даниловский” 14-17 ноября 2005 г.

Е.С. Холмогоров

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ ПРАВОСЛАВИЯ
В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

Последние события будут событиями не только метафизическими, нравственными и естественно-катастрофическими, но и событиями политическими. Этот факт очевиден из Священного Писания и Священного Предания. Политическому аспекту событий, которые будут иметь место при конце времен, уделено огромное место в святоотеческих толкованиях священных книг. Однако современное богословие не спешит подхватывать и развивать традиции святоотеческой политической эсхатологии. Многие из теологов вообще предпочли бы, чтобы последние события были вынесены из истории, понимались бы нами в каком-то совсем ином, символическом измерении.

Причин невнимания к политической эсхатологии сразу несколько. От вполне веских, до совершенно непростительных.

Во-первых, известную роль тут играет традиционное **недоверие Церкви к счислению «времен и сроков»** Второго Пришествия, к установлению конкретных, «слишком человеческих» отождествлений между богооткровенными символами последних времен и теми или иными конкретными политическими ситуациями и событиями. Профанические толкования Апокалипсиса, устанавливающие актуальные политические отождествления для тех или иных символов последних событий, и в самом деле основательно отбивают вкус к историческому и политическому пониманию эсхатологического предания.

Во-вторых, велика негативная роль того **исторического релятивизма, который характерен для современной библеистики и патристики**. Этот исторический релятивизм прививает нам, как ни парадоксально, взгляд на историю как на нечто малозначимое. Мы сегодня лучше знаем Писание и Отцов в смысле понимания исторического контекста, источников тех или иных образов и идей, но за этой горой сведений мы не слышим голоса Святого Духа «глаголавшего пророки» и продолжающего говорить во святых и до сего дня. Исторический взгляд на Предание мешает нам увидеть, что боговдохновенен не только «общий смысл» Писаний и творений Отцов, но и их конкретное содержание, если оно правильно понято и речено в согласии с учением Церкви. Символы Откровения безграничны, но это не значит, что они лишены конкретного, определенного смысла и значения. Будь это так – это были бы уже не символы, а «симулякры» (если говорить языком современной философии), то есть знаки лишенные значения и означаемого.

В-третьих, известное значение в отходе политической стороны эсхатологии на зданий план, тот факт, что долгие столетия **политическая наука пребывала в неразвитом, неоформленном состоянии**. Церковь, для раскрытия глубины своего вероучения традиционно пользуется воцерковленным языком светских дисциплин — будь то философии, этики, филологии, истории или даже наук естественных. Однако политическая наука лишь в середине XX столетия достигла своей концептуальной и технологической зрелости, впервые с эпохи Платона и Аристотеля подошла к осмыслению основ политики, а значит только сейчас и стала подлинно пригодна к воцерковлению, к использованию ее строя для раскрытия тех или иных сторон церковного учения.

В следствие ослабления собственно церковного внимания к политическому аспекту последних событий, эта, несомненно важная сторона эсхатологии, отдана на откуп произвольным толкованиям, случайным суждениям и тенденциозным подгонкам Откровения под те или иные идеологические концепции. Иногда эти спекуляции более удачны, в том смысле, что ведут к укреплению благочестия, иногда менее удачны и лишь смущают членов Церкви, но, в любом случае, этим опытам не хватает цельного, системного богословского подхода. При этом подлинно церковным богословам, тем более в России, не следовало бы страшиться гнева тех влиятельных сил в

современном мире, которые хотели бы добиться полного забвения церковной эсхатологии, и скрывают его «неудобного» политического содержания. Богословие Церкви должно иметь мужество свидетельствовать и о грядущем торжестве христианских начал в истории, и об обострении антихристовой ненависти, и о всеобщем отступлении от Христа, и о действии «тайны беззакония», и об Антихристе и установленной им «тирании» (по политическому определению преп. Иоанна Дамаскина), и о сопротивлении верных этой тирании, и торжестве над этой тиранией истинного царя мира – Господа Иисуса Христа.

По мере нашего приближения к последним событиям, Церковь накапливает в своем Предании все больше и больше конкретных сведений об этих событиях, многое становится яснее и из исторического опыта двухтысячелетнего странствования Церкви в мире сем и Её созидания Своего небесного удела. Год от года, десятилетие от десятилетия становятся все более напряженными и эсхатологические ожидания сынов Церкви, в том числе и переносимые на конкретные политические ситуации и события. И за последнее столетие не раз и не два возникали ситуации, когда именно недостаточная разработанность, недостаточная четкость в разработке политического содержания эсхатологического учения Церкви вели к многочисленным недоумениям и, порой, трагическим церковным разделением. Одни видели самого антихриста там, где было еще лишь антихристианство. Другие, не видели действия антихристового духа даже в том, в чем он был очевиден. То интеллектуальное оружие, которое дали христианам Святые Отцы, своим истолкованием эсхатологического учения Церкви, небрежением последующих поколений затупилось и было сокрыто в запасниках. Пора, думается, наточить его вновь, очистить от паутины, и сделать его подлинным оружием правды христиан в современном мире, в том числе и в его политических волнениях.

В этой небольшой работе, автор не дерзнет, конечно, излагать некую «систему» православной политической эсхатологии. Не дерзнет как в силу огромности этого труда, так и недостаточности собственной квалификации, каковая является квалификацией политолога, а не богослова. Но я постараюсь коснуться некоторых тем и сюжетов политической эсхатологии Православия, которые мне представляются исключительно важными.

Конец истории vs Конец времен

Антиисторизм, проникший в православное богословие вместе с историческим релятивизмом, нельзя назвать чем-то случайным. Он является плодом долго и направленного интеллектуального давления на Церковь со стороны внешнего мира. Целью этого давления было либо добиться признания того, что истина Церкви относительна, либо «ухода от ответа» через провозглашение истины Церкви полностью «неотмирной», не имеющей определенного значения в мире сем, поддающейся любым перетолкованиям. Одни христиане пошли по первому пути, пути модернизации и релятивизации вероучения, другие предпочли своеобразный эскапизм. В результате существенная часть учения Церкви была попросту унята с полок и убрана в запасники. Выяснилось, что у Церкви якобы нет ни определенного учения о государстве, ни ясного взгляда на историю мира, ни конкретных нравственных требований к человеку, что Церковь вообще, якобы, ни о чем не имеет мнения, кроме своих внутренних дел.

Это расцерковление реального исторического пространства является только частью общего процесса сознательного «обесмысливания» истории, которое ведет к торжеству вполне определенного эсхатологического **проекта «Конца Истории»**, противостоящего подлинной христианской эсхатологии. Сущность этого проекта, одинаково успешно развивавшегося как коммунизмом, так и либерализмом (полтора десятилетия назад устами Фрэнсиса Фукуямы провозгласившим свою победу), в своеобразном **бунте времени против истории**. Его цель — достижение такого состояния, в котором временная длительность будет носить внеисторический характер, будет лишена каких-либо новых идей, смыслов, идеалов пробуждающих большие исторические движения. «Шатания языков» будут в ней умирены, поскольку не будет никаких причин для этих шатаний. Понятно, что либеральная эсхатология Фукуямы достаточно одномерна и в чем-то пародийна даже по сравнению с эсхатологией марксистской, предполагавшей прыжок «из царства необходимости в царство свободы», то есть в общество, где отсутствуют принудительные социальные связи – исторические, политические, экономические, духовные... Понятно и то, что у подобной эсхатологии внеисторического времени существует достаточно много модификаций, причем в их числе можно указать и на мессианскую эсхатологию иудаизма, предполагающую «фиксацию» истории в состоянии установленном машиахом, то есть состоянии торжества еврейского народа и еврейского мировидения над остальными народами, еще по сю сторону времени.

Христианская эсхатологическая перспектива полностью противоположна идее «Конца Истории» как торжества бессмысленного времени. Она основана на идее Конца Времен,

прекращения именно течения лет и веков, при сохранении Истории и её торжестве через установление её конечного смысла. Второе Пришествие Христово и, тем более, предшествующие ему события не вынесены из Истории, как не вынесено из нее и первое пришествие Господа и Спасителя. Так же, как ветхозаветная эсхатология отражало историческое устремление Народа Израиля к своему Мессии, так и эсхатология новозаветная передает историческое устремление Нового Израиля, Церкви к Грядущему во Славе Спасителю. Если Крест и Воскресение есть высшая точка, кульминация Истории, то Парусия есть её конечная цель, усовершенствование. Именно в этой точке любое историческое движение, любое событие или цепочка событий обретает свой предельный смысл, занимает свое место в общей исторической картине. В этом смысле даже прекращение времени, **«конец веков», не упраздняет Историю**. Напротив, именно тогда, когда «времени больше не будет» История торжествует в своей завершенности, а Рай и Ад, Небесный Иерусалим и апокалипсическое Огненное озеро выступают своеобразной координатной сеткой истории ставшей из времени мистическим пространством. Идея Конца Времен, это **полнота времен, торжество смысловой стороны истории** над текучим «становлением». Конец Времен – это не конец, а венец истории.

Это теоретическое противопоставление имеет для политической эсхатологии свой конкретный смысл. Отрицание «опустошения времени», христианская версия которого осуждена как ересь хилиазма, означает неустранимость из истории и *политического конфликта*, как противостояния своего и чужого, друга и врага. Противостояния, составляющего по взгляду Карла Шмита сущность «понятия политического». Последние события будут временем предельного политического напряжения, которое будет предопределено напряжением духовным, противостоянием остатка верных той системе, которую установит «сын погибели», антихрист. И лишь с действительным концом времени, с торжеством Христа-Царя и Вседержителя закончится и эта политическая борьба.

«Тайна беззакония» и «удерживающий теперь»

В чем сущность этой борьбы, приобретающей с течением времени все большее напряжение, порождающей на своем пути многих «антихристов» и антихристовых предтеч и разрешающейся последним «кризисом» в царствование «того самого» антихриста? Святой апостол Павел во Втором послании к Солуньянам раскрывает для нас сущность этой борьбы через противопоставление «тайны беззакония» и «удерживающего теперь». Вокруг этих двух понятий, особенно о втором, ведется немало богословских споров, и существуют серьезные экзегетические разногласия между Отцами.

Обратим. Однако, внимание на следующий аспект. По гречески *«тайна беззакония»* звучит как *«мистерия аномии»*, то есть апостол употребляет термин греческой политической жизни, означающей вполне определенное состояние – отсутствие закона, отсутствие какого-либо правила и порядка, который вынуждал бы человека уклоняться от зла и совершать благо. Аномия, для греков, означала без-законие, как без-властие (анархия). И это вполне согласуется с воззрениями самого св. апостола Павла, который дает в 13 главе Послания к Римлянам вполне определенный взгляд на государство, на власть, как на способ водворения справедливости, устранения аномического состояния общества. Причем о миссии начальника апостол говорит в таких словах и риторических фигурах, каковые удивительно напоминают римское самосознание, выраженное Вергилием в его знаменитом поучении о миссии римской власти.

Поэтому, когда св. Иоанн Златоуст, еще в древности признававшийся лучшим из толкователей Павловых посланий (не случайно ведь возникло предание о том. Что сам Павел диктовал Златоусту толкования на свои послания), понимает «удерживающего» как римский государственный порядок, он, тем самым, подхватывает именно внутреннюю логику и связь Павловых воззрений. *«Когда прекратиться существование римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо, - потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится (антихристу); но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие (анархия), и он будет стремиться похитить всю – и человеческую и божественную власть»* (Творения свт. Иоанна Златоуста. Т. XI, кн. 2, стр. 598).

Римская власть удерживает от распада социальный порядок, который непременно условием своего существования имеет некоторую меру добродетели и справедливости, и, тем самым, удерживает и мир от водворения в нем условий, способствующих приходу антихриста. И напротив, действие «мистерии аномии», тайны беззакония, состоит в разложении справедливого порядка, в распространении в обществе аномического состояния. Этой аномии ни что так не способствует, как тирания. Именно поэтому Златоуст делает такой парадоксальный ход, как отсылает в толковании понятия «тайны беззакония» к фигуре императора Нерона, одного из «малых антихристов» церковного предания. Общей чертой этих антихристов является тиранический подрыв справедливости, безумное гонительство по отношению к Церкви, богопротивление, и через это

разрушение справедливого порядка, благозакония, «евномии». Таким образом, действие «тайны беззакония», есть не столько некий мировой заговор против правильного порядка, сколько разрушение доверия к порядку со стороны исхитивших власть антихристов, противников Божиих.

В современной политической науке термин «аномия», возрожденный Эмилем Дюркгеймом, понимается удивительно созвучно со святоотеческим толкованием. Аномия есть состояние, в котором большинство людей находятся вне общества, не участвуют ни в каких поддерживающих социальность структурах и связях. Закон не регулирует подлинные общественные отношения, а эти отношения, в свою очередь, никак не согласуют себя с законом. В аномическом обществе нормой является «девиация», отклонение. Существование в аномическом обществе труднопереносимо для человека, противоестественно для него, и именно в отталкивании от аномии Златоуст усматривает ту причину, по которой люди «скоро подчинятся антихристу». Характерно, что и здесь святой отец размышляет в классической парадигме античной политической мысли с её представлением о круговращении государственных форм, в ходе которого из безначалия, власти толпы и рождается тирания.

Таким образом «тайна беззакония», «аномия» есть приурочивание пути антихристу, но не есть само антихристово царство, которое мыслимо, как раз, как своеобразная противоположность состоянию аномии, как избавление от него. И здесь мы тесно подходим к другой важной теме православной эсхатологии – экзегезе символов «четырёхчастного царства» и Вавилонской блудницы.

«Четыре царства» и «дщерь вавилонская»

Римская тема в эсхатологии, которую развивает Златоуст, толкуя пророчества апостола Павла, тесно увязана с темой четырех мировых монархий, раскрытой в Книге Даниила. Четыре металла, из которых изготовлен колосс в видении Навуходоносора, четыре зверя в видении самого Даниила, очень рано и вполне однозначно отождествлены с четырьмя царствами, которыми отмерена мировая история – Ассиро-Вавилонским, Персидским, Македонским и Римским. Причем последнему, Римскому царству, отводится привелегированное значение по крепости, силе и мощи. Это «железо» в видении истукана, это зверь «страшный и грозный». Это власть, которой неспособна противостоять ни одна другая власть, ни одно другое царство.

Но именно от пророчества Даниила перекидывается символический мостик к зверю, изображающему царство антихриста в «Откровении» св. Иоанна Богослова. И там и там присутствует зверь с десятью рогами, означающими царей, которые передадут свою власть антихристу. И там и там символически изображен «послеримский» порядок, который станет порядком «предантихристовым», когда антихрист как политический вождь сокрушит три царства из десяти и подчинит остальные. Это утверждение государственного плюрализма на развалинах римской власти повторяется в писании трижды – дважды у Даниила и в Апокалипсисе, а значит не может быть случайной, или маловажной чертой. Именно десять царств, часть из которых будут, согласно видению Навуходоносора, «железными», то есть наследующими римскому порядку, а часть глиняными, то есть не основанными на прочных основаниях, станут основой власти антихриста, причем только три из них перейдут под его прямой контроль, остальные же цари будут послушны ему, но сохраняют некую самостоятельность. Отсюда следует очень интересный вывод, опровергающий некоторые популярные суждения о постепенном эволюционном становлении «всемирного государства» антихриста. Политическая эсхатология священного писания дает нам совершенно другую картину.

В ней антихрист выступает своеобразным «восстановителем» римского царства после периода его упадка. По словам св. Андрея Кесарийского антихрист «придет как царь Римский под видом того, чтобы устроить, обновить и усилить начальство их, а на самом деле - чтобы произвести в них совершенное опустошение» (Толкование на Апокалипсис. Слово XIX. Гл. 55.). А Лев Александрович Тихомиров, доведя ту же мысль до предельной четкости, говорит о том. Что «Антихрист является консерватором-контрреволюционером. Но, с другой стороны, он явится перед миром с совершенно новой идеей, несравненно более революционной чем та, которую он упразднил» (Религиозно философские основы истории. М., 2004, с. 670).

В чем же суть этой новой идеи антихриста, которая полностью извратит мнимое осуществленное им «восстановление» должного порядка? Все святоотеческое предание указывает здесь на идею возможности духовной и нравственной жизни без бога и против Бога. В идее нравственного развращения, примитивной скотской греховности нет ничего такого, что могло бы полностью прельстить людей и «даже избранных». Антихрист меньше всего может быть либертенем. Напротив, говорится о том, что он придет в притворном образе благочестия. Но центром этого благочестия будет не истинный бог, а сам антихрист, как человек, сумевший без Бога быть как бог, сумевший без благодати творить благо, сумевший без веры творить чудеса, точнее призраки чудес.

Изошренное злодейство антихриста будет состоять именно в этом ложном образе блага, в том числе и блага социального. Режим антихриста не будет уже аномией, напротив, он будет торжеством социальности и порядка, но обезбоженных, лишенных высшего смысла.

Чтобы вполне уяснить это обстоятельство мы должны попытаться хотя бы поставить вопрос, который в свое время вызвал затруднение даже у мудрейшего св. Андрея Кесарийского. Почему Господь попускает десяти царям возненавидеть и разорить блудницу Вавилонскую, хотя Вавилон кажется средоточием антихристового духа и всяческого зла? *«И десять рогов, которые ты видел на звере, сии возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне; потому что Бог положил им на сердце - исполнить волю Его, исполнить одну волю, и отдать царство их зверю, доколе не исполнятся слова Божиим» (Откр. 17, 16-17)*. Почему десять постримских царств восстанут против города «царствующего над земными царями»?

Если мы обратим внимание на характеристику этого города в следующей, 18 главе Апокалипсиса, то мы обнаружим, что эта характеристика не приложима ни к Царству Антихриста, каковое отождествление еще по недоразумению встречается, ни к отступнической Церкви, каковое мнение широко распространено в «зилотской» литературе. Цари земные лишь «любодействуют» с блудницей. Подлинным же ее смыслом являются веселье, разврат, волхование и роскошь, от которых «разбогатели земные купцы». Разорение Вавилона мыслится прежде всего как разорение его купцов, товаров которых никто уже не покупает, как прекращение веселья и волхования: *«горе, горе тебе, город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море, ибо опустел в один час! И голоса играющих на гусях, и поющих, и играющих на свирелях, и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе... Ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы» (Откр. 18, 19; 22-23)*.

Очевидна неосновательность порой встречавшегося в церковной литературе отождествления апокалиптического Вавилона с Римом. Образы центра всемирной монархии и всемирного паразита явно несовместимы. Столь же очевиден и отсыл к историческим реалиям падения реального Вавилона, центра купечества и волхования на древнем Востоке, не имевшего давно уже политического значения, зато концентрировавшего в себе тлетворный дух купеческой цивилизации. Наш же современник не без труда опознает этот образ в современных реалиях — это мировая, глобальная система *аномии и паразитизма*, транснациональный мир «людей воздуха», финансово-экономической элиты мира, контролирующей земные царства через кредит, медиа, культуру комфорта и потребления. Этот «мировой город» сам не есть царство, но вынуждает любодействовать с собой всех царей земных и через это «царствует над земными царями». Эта система нравственного растрепания и беззакония, волхования и релятивизма, ведет уже видимую войну против святых и пророков, за истребление самого имени христианства.

Однако глобальный порядок Вавилона равно ненавистен и святым Божиим и земным царям. Эти последние одушевлены другой идеей, предать царство и власть человекобогу, представителю куда более возвышенной и одновременно страшной идеи добродетели и духовного делания без Бога. Именно поэтому мы и сталкиваемся в Писании с парадоксом повествования о последних временах — уничтожением Вавилона как приготовлением пути антихристу, как ложному восстановителю римского порядка и могущества.

Подлинный смысл христианской миссии удержания

Наши размышления ставят перед нами простые вопросы о тех или иных широко распространенных сейчас в церковной среде политико-эсхатологических воззрениях. С одной стороны, это восприятие «вавилонского» начала как начала антихристового, в то время как оно лишь приуготовляет антихристову веру. А с другой, вера в имперский, римский порядок как в само по себе благодетельное начало. Оба этих воззрения по своему справедливы, но однобоки. Антихрист явится не только как великий чудотворец и лжеучитель, не только как машина иудейства, но и как римский царь. Однако в отличие от подлинного царя, сердце коего «в руце Божией», антихрист будет диктатором, закон которого будет корениться не в Божией, а в его личной воле, а этос, не в добродетели, а в его эгоистическом нраве... При этом антихрист будет подлинным «апостатом», отступником от истины Христианства, а не просто плодом вавилонского безверия. Он будет прекрасно знать что отвергает и осуществит, в этом смысле, высшее разделение верных от неверных.

Именно в этом сознательном отречении антихриста, в его тотальной апостасии, можно увидеть объяснение того чуда, которое в Писании зафиксировано только как прорицание о том, что в Конце Времени Евангелие будет проповедано по всей вселенной *«во свидетельство языком»*. Но в предании, особенно относящемся к последним векам, сконцентрирован целый пласт предсказаний и пророчеств святых о восстановлении православного царства, причем именно в России, как в

«Третьем Риме». Этим пророчествам уделяется большое внимание, поскольку в тяжкие дни, переживаемые Россией, они служат к утешению многих. С другой стороны, они порой подвергаются необоснованной критике, за которой, часто, ничего не стоит, кроме нежелания, чтобы подобное радостное изменение судьбы России свершилось, но и в том и в другом случае не уделяется должного внимания той миссии, которая предполагается этим пророчеством и той мысли, которая в него вложена.

Последний взлет «благозаконной» римской государственности нужен за тем же, зачем нужна и проповедь Евангелия по всей вселенной. «Во свидетельство» и в обличение отступления. Представление о вселенской проповеди Евангелия принимают, порой, какой-то одномерный характер, многие думают, что речь идет о проповеди, обращенной к отдельным индивидам, и объясняют это тем, что божественная справедливость требует, чтобы каждому человеку во всех уголках планеты было дано слово Христово, чтобы каждый мог уверовать. Однако этому представлению явно противоречит тот факт, что те каждые, кто жил после воплощения, но до всеобщей проповеди, явно обделены справедливостью, лишены возможности принять евангелие. Для чего предполагается привилегия именно тех, кто живет при конце времен, - совершенно непонятно. Однако возвращение к библейскому языку дает нам ключ к объяснению – проповедь по вселенной будет обращена не к индивидам, а к «языкам», к народам как культурным общностям и субъектам «большой истории». Именно народам, а не отдельным лицам дана будет возможность принять или отвергнуть христианскую проповедь. И сама эта проповедь будет свидетельством и обличением за или против них.

С такой проповедью к народам может выступить либо Церковь, либо государство, как сильный исторический субъект. Только тогда эта проповедь будет услышана. Вернее же всего предположить, что речь идет о сильной Церкви в сильном государстве, чего явно сейчас нет нигде. И пророчества о восстановлении России говорят о приготовлении к этой миссии служения Богу в последние дни¹. А царство антихристово мыслится как своеобразный перелом, после крайнего благодатного напряжения «последнего расцвета». Не случайно, что в византийских преданиях о «последнем царе» прямо говорится о том, что тот, по окончании своего служения предаст царство Богу, а власть земная перейдет к антихристу. В этом смысле национальная эсхатология России как Православного Царства, особенно занимающая умы наших современников, это эсхатология не исторического триумфа, а трагического надрыва, неприятия миром жизни, устроенной по Евангелию и направленной на проповедь Евангелия. Последнее торжество истинного благозакония мыслимо именно как свидетельство, к укреплению верных и к осуждению тех, кто отверг его и засвидетельствованную им истину.

Идея «удерживающего» многообразна и многозначна, не сводясь только к определенной системе власти, и к лицу монарха. В некотором смысле, «удерживающим» может считаться все то, что проникнуто Божиим благословением и что препятствует развитию «мистерии аномии» и пришествию вслед за ней антихристового порядка. На одном уровне это может быть геополитический субъект, на другом, государственное установление, на третьем – добрый и благочестивый обычай. Однако общий знаменатель всех форм и видов «удерживающего» один. «Сдерживание» антихриста не есть самоцель. Это средство для осуществления другой, стократ важнейшей миссии, спасения человеческих душ. Там, где царит истинный, затронутый благодатью порядок, где не разрушена, по выражению архимандрита Константина (Зайцева) «аппаратура спасения», там большее число людей имеет шанс уберечь свою душу, спасти ее от растрепания антихристом.

Там, где существует защищенный от аномии социум, в котором люди поддерживают посредством социальных связей благочестие друг у друга, там путь человека к Богу надежно огражден от насильственного прерывания. Некогда древние афиняне построили между своим городом и портом, ведущим в открытое море, «Длинные стены», которые мешали неприятелю перерезать связь города с миром. Правильно устроенное государство, государство-катехон

¹ Интересующиеся этими пророчествами могут обратиться к примечательному и вызвавшему много споров двухтомнику Сергея Фомина «Россия перед вторым пришествием. (Материалы к очерку русской эсхатологии)» (3 изд. М.-СПб., 1998). Первым толчком к формированию интереса к данной теме послужила, кажется, статья о. Серафима (Роуза) «Будущее России и конец мира» (есть множество изданий и переизданий). Интересный дополнительный материал собран в статье Елены Балашевой «Святые Отцы о грядущих судьбах России и Церкви»// Церковное Предание и святоотеческое наследие. XII Международные Рождественские образовательные чтения. М., 2004. сс. 130-150. Именно по этой статье процитируем слова св. прав. Иоанна Кронштадтского, которые предельно точно и церковно формулируют главную идею всего этого профетического пласта: *"Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая - по старому образу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету святого князя Владимира - как единая Церковь! Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский"*.

напоминает такие «Длинные стены», препятствуя насильственному перерезанию сообщению человека с Богом. И в этом смысле, оно играет свою роль не только в общей, но и в частной эсхатологии человека, прикрывая от внешних вторжений его личный путь на небо. Там, где это прикрытие действует, возможно возникновение феноменов, подобных феномену Святой Руси, когда не отдельные представители нации, но ее цвет, ее элита, ее лучшие люди вместе приходят в обители Царя Небесного, составляя там высшее исполнение отечества земного. Там же, где эта связь града с горним миром повреждена, там открывается путь не только к аномии Вавилона, но и к сатанократическому царствованию антихриста. Которое, впрочем, осуждено на поражение. И в истории и в полноте времен, историю увенчивающей. Подлинным победителем и последним царем христиан является Иисус Христос, Царь Славы.